

Электронное научное издание

«Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика»

www.yrazvitie.ru

вып. 1 (35), 2023, ст. 1

УДК 101.9

В.И. ВЕРНАДСКИЙ И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Попова Лиана Владимировна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии, Государственный университет управления

Аннотация

В настоящее время личность Владимира Ивановича Вернадского привлекает многих исследователей. Исследование его творчества обретает особую актуальность в свете глобальных проблем современности. В данном исследовании рассматривается философия как способ постижения истины в понимании В.И. Вернадского, его взгляд на различные философские течения. Сделан вывод о важности науки в жизни человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.И. Вернадский, С.Н. Трубецкой, Л.Н. Толстой, философия, ноосфера.

V.I. VERNADSKY AND RUSSIAN PHILOSOPHY

Popova Liana Vladimirovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Lecturer, Department of Philosophy, State University of Management

Abstract

At present, the personality of Vladimir Ivanovich Vernadsky attracts many researchers. The study of his work is of particular relevance in the light of the global problems of our time. This study considers philosophy as a way of comprehending the truth in the understanding of V.I. Vernadsky, his view on various philosophical currents. The conclusion is made about the importance of science in human life.

KEYWORDS: V.I. Vernadsky, S.N. Trubetskoj, L.N. Tolstoy, philosophy, noosphere.

В настоящее время личность Владимира Ивановича Вернадского привлекает многих исследователей. Исследование его творчества обретает особую актуальность в свете глобальных проблем современности. Интерес к В.И. Вернадскому начинает возрастать с еще 1970-х гг. Большую роль в этом сыграл выход в свет его трудов, ранее находящихся под негласным запретом. Перед исследователями открывался целый спектр возможностей в области творчества Вернадского.

Вернадский выделяет четыре способа познания истины: 1) религия; 2) художественное творчество; 3) философия; 4) наука [2, с. 80].

Философская мысль, по мнению Владимира Ивановича Вернадского, более глубоко отражает человеческую личность, чем какая-нибудь другая форма деятельности. Наука, религия, искусство, государственное творчество вдвигают человеческую личность в чуждую ей обстановку, в неизбежные рамки, созданные трудом поколений [2, с. 170].

Главное для человека — свобода личности. Именно в философии этот элемент составляет господствующую черту. Творец всякой философской системы накладывает на нее свою личность. Он создает свой язык понятий, исходит из непонятных для других

переживаний, предчувствия окружающего и облакает их в причудливые формы своего «Я». Этим биением своего «Я» он своеобразно оживляет окружающее. Исследователь, выбирая область истории философии, выступает как самостоятельный мыслитель в этой пограничной области. Он неизбежно вдвигается в строгие рамки научного исследования. История философии может быть наукой, но сама философия, по мнению В.И. Вернадского, наукой не является. Философия есть способ и метод. Ее значение в движении науки — это, кроме логики, критика основных понятий, всюду и неизбежно входящих в данные науки.

Творческая личность — это и философ, и научный исследователь, и мистик в одном лице, но творческая работа суждена немногим. Таким исследователем, по мнению Вернадского, был С.Н. Трубецкой: «...мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека — мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли...» [2, с. 174]. С.Н. Трубецкой оказал на В.И. Вернадского большое влияние: имели место личные встречи и разговоры. В годы своей заграничной командировки, в частности, в 1922 г. он вновь столкнулся с творчеством Трубецкого. Как отмечает Вернадский в своем дневнике, он читал статьи Трубецкого и других из сборника «Евразийцы» [3]. Идеи евразийцев и Трубецкого, по мнению Вернадского, имеют в себе одну сторону того общего, что творится в человечестве. Главное и характерное заключается в том, что человечество едино. Элемент единства (интернационала) имеет большое значение во всей истории человечества: «Он в конце концов ведет к космической сознательной жизни» [3]. Вернадский задавался вопросом: было ли это течение в древности? «У жрецов Египта или это фикция? И есть ли в них зерно истины?» [3]. В идее римской католической церкви и таких великих религиях, как христианство, буддизм, мусульманство? В конце средних веков эта идея становится идеей среды гуманистов, и, наконец, XX век, когда весь земной шар охвачен единым. Для Вернадского идея единства связана с будущей автотрофностью человечества [3], а также с идеей науки, как единой для всех, где нет «ни эллина, ни варвара» [3], как некоего средства объединения людей.

Упомянув С. Трубецкого в связи с православной философией, Вернадский отмечал «странную» зависимость философии от православия. Ярким примером того же является Л.Н. Толстой. В студенческие годы Вернадский много обращался к учению Толстого в связи с возникновением «Братства», а именно, к его «Исповеди». Упор делался на духовное развитие личности. В конечном счете, подвергая критике христианский идеал, Вернадский критикует и Толстого. «Мне кажется, — писал он, — что тот идеал, какой рисовался в уме... Христа, не может служить новым идеалам теперь; он касается только одной стороны жизни,

в нем не хватает двух вполне необходимых для человека сторон — развития и свободы деятельности умственной и эстетической: в уме таких реформаторов конечным идеалом являлось положение человека в виде чрезвычайно мягкого..., сытого стадного животного.... Такой же идеал рисуется и у Толстого» [4, с. 60]. Так называемые «очистители» христианства, по мнению Вернадского, от Гуса до Толстого всегда стремились свести религию к морали, но религия и мораль несоизмеримы. Все попытки логически обосновать мораль из знания или логически вывести ее из религии — одинаково верны и одинаково ложны. Из христианства одинаково вытекает мораль апостола Павла и Торквемады, Кальвина и Лойолы, Победоносцева и Толстого. В 1894 г. Вернадский писал, что он отрицал и отрицает возможность примирения знания и религии [4, с. 126], что противоречило его более поздним воззрениям о том, что истина одна, а путей познания четыре: религия, искусство, философия, наука, но это противоречие устранимо. Знание и религия непримиримы, потому что несоизмеримы их основания, являющиеся основаниями разного порядка: «Я давно уже считал и считаю, что даже логический процесс в его самом чистом виде — в представлении о Вселенной и законах природы — не может отвечать действительности, ибо, по-существу, вне его есть другое....» [4, с. 126].

Толстовский идеал Вернадский видел в хуторской жизни на Кубани. В ней царит своеобразная идиллия безмятежного счастья, изображаемая как идеал писателями древности и вызванная к обсуждению Толстым. Эта жизнь достигается тем, что не остается места работе мысли, эта жизнь тяжела тем, что здесь вся цель ясна: «Нет места исканий, нет места сомнению, т.е. тому, что составляет наше счастье. Тихая семейная жизнь, простое довольство, достигаемое упорным трудом изо дня в день, отдых в семье или среди простых сердцем людей, вдали от вечных глубоких мучительных, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей! Как-то не тянет меня к такой жизни, и кажется она мне медленной смертью» [4, с. 259].

Не в меньшей степени зависимость философии от православия дал почувствовать Вернадскому Н.О. Лосский. Будучи в Париже в 1924 г., он слушал его лекции. Лосский дал почувствовать, что эта зависимость есть творческое создание поколений: от славянофилов к Соловьеву и т.д. Лосский признавал, что троичность Бога и другие рамки даются откровением — как у схоластов и в неотолизме. «Слушая, я ясно сознавал — одно из n+1 возможных представлений об окружающем. Все в рамках того представления о мире, которое дано теологическим построением» [5, л. 7].

В мировом аспекте в философии, по мнению Вернадского, существуют два течения христианства — неотомизм католичества и православная философия 2-й пол. XIX – н. XX вв. Русская философия отчасти корнями лежит в греческой философии через отцов церкви.

Размышления Вернадского о русской философии представляются чем-то незаконченным, недосказанным. Сам он себе он говорил: «Любопытно было бы проследить мою непрерывную, несистематическую начитанность в философской литературе и разговорах» [5, л. 7–8].

В связи с русской философией и Лосским Вернадский высказался: «Для меня как-то раскрылось то, что я переживал — не входя в философию, а с ней сталкиваясь» [5, л. 7–8]. Имелись в виду встречи с П.И. Новгородцевым, С.Н. и Е.Н. Трубецкими, Лопатиным, Булгаковым, Струве, Франком, Чичериным, Зеньковским, Радловым, Кудрявцевым. Среди них выделяются П.И. Новгородцев и С.Н. Трубецкой. Что же касается истории философии, то она осознана неверно. Началом критического отношения к развитию русской мысли представляется книга Г. Шпета «История русской философии». Она имеет свои плюсы, но нет здесь «культурного очерка личности и среды...» [6].

Высшим проявлением человеческой деятельности В.И. Вернадский считал науку, которую ставил выше философии. Наука не есть логическое построение, ищущее истину аппаратом. Научную истину нельзя познать логикой, она познается лишь жизнью.

Научную мысль Вернадский характеризует как силу «геологического» характера, т.е. подготовленную миллиардами лет истории жизни в биосфере. Она выявляется в истории человечества, с одной стороны, в форме логической обязательности ее основных достижений, и, во-вторых, в охвате всей биосферы, всего человечества, в создании новой стадии ее организованности — ноосферы. Научная мысль — сила, создающая ноосферу.

Литература

1. Вернадский В.И. Начало и Вечность жизни. М.: «Сов. Россия», 1989. 704 с.
2. Вернадский В.И. Черты мировоззрения кн. С.Н. Трубецкого // Россия и современный мир. № 2 (31). 2001. С. 169–175.
3. Вернадский В.И. Дневник 1922 года // Архив РАН, ф. 518, оп. 2, д. 4. л. 312.
4. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. М.: «Наука», 1988. 304 с.
5. Вернадский В.И. Дневник 1924 года // Архив РАН, ф. 518, оп. 2, д. 12, л. 7-8.
6. Вернадский В.И. Дневник 1923 года // Архив РАН, ф. 518, оп. 2, д. 12, л. 4.